

Ведьма из Сызрани Водяной женится

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. Водяной женится

<https://litres.ru/74610254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Водяному Прохору Волговичу четыре тысячи лет, и он впервые влюбился. В Хозяйку Жигулёвского моря — синеглазую, гордую и совсем молодую: ей всего семьдесят. Беда в том, что между ними плотина Жигулёвской ГЭС, а невеста при первой встрече бросила ему через водосброс одно слово: «Речной».

Сватать водяного достаётся ведьме Василисе. Она ни разу никого не сватала, зато восемь лет писала рекламу и знает, как сделать красиво. Письма выходят такие, что Хозяйка моря перечитывает их по десять раз. Только на смотрах выясняется, что жених так не разговаривает.

Впереди обмелевшая Волга, железный дух шлюзов, который требует пропуск даже у чёрта, бывший чиновник с заявлением «номер один», затопленный город на дне моря и яблоня, которая семьдесят лет цветёт под водой. А дома, у печки, свою невесту никак не может позвать замуж домовой Фрол Евсеич.

Седьмая книга о ведьме из Сызрани — смешная и трогательная история о том, что правду перечитывают сто раз, а красивое — один.

Содержание

Глава 1. Влюбился	5
Глава 2. Сваха на пенсии	13
Глава 3. Затонувший город	20
Глава 4. Письма	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Милана Панова

Ведьма из Сызрани.

Водяной женится

Глава 1. Влюбился

В начале июня, в четверг, в шесть утра, Прохор Волгович вызвал Василису на затон.

Не попросил прийти. Не дождался хлеба и махорки, как положено. Вызвал. Это было впервые за все три года, что Василиса его знала.

Случилось это так. Василиса проснулась от того, что в доме тринадцать на Верхне-Кирпичной зашумела вода. Везде. Сразу. В кране на кухне. В рукомойнике. В бочке под водосток. В ведре у печки, где Фрол Евсеич держал воду для теста. В детской бутылочке, которая стояла на столе, — вода в ней поднялась, вспенилась и сложилась в маленький водоворот.

А из водоворота сказали — глухо, булькающе, но вполне отчётливо:

— Агафьина. Приходи. Сейчас. Дело есть.

Бутылочка утихла.

Василиса стояла посреди кухни в ночной рубашке и смот-

рела на неё.

— Это что было? — спросила она.

Модест на печке открыл один глаз.

— Прохор, — сказал он. — Через воду говорил. Он так умеет. Редко. Последний раз — в семьдесят шестом, Агафье. Когда ревизора из полыньи надо было тащить.

— Что-то случилось?

— Раз через бутылочку — случилось, — сказал Модест. И закрыл глаз. — Иди. Я дома. С детьми.

Гаша и Алёша спали. Им было по год и три месяца. Гаша спала, раскинувшись поперёк кровати, с Модестовым хвостом в кулаке — Модест специально свесил его с печки, кровать стояла вплотную. Алёша спал на боку, с черепашкой Касей на подушке и медным бакенным фонариком в обнимку. Фонарик горел. Тихо, ровно. Алёша зажигал его сам, каждый вечер, пальцем, — и тот горел до утра.

На краю кровати сидела Устя. Маленькая, серая, в льняном платье с пушицей по подолу и в серых валенках тридцатого размера. Пряла. Не спала. Кикиморы, как выяснилось, вообще почти не спят.

— Иди, хозяйка, — сказала она тихо. — Я посижу.

Василиса накинула бабушкин халат. Сунула ноги в резиновые сапоги. Захватила, на всякий случай, буханку бородинского и пачку махорки — они всегда лежали на полке у двери, для таких случаев. И пошла на затон.

Над Волгой стоял туман. Июньский, тёплый, молочный.

Солнце только вставало над Жигулями, и туман светился изнутри розовым. Старые баржи у затона стояли в нём, как корабли-призраки. Где-то кричала цапля.

Бабушкин камень был мокрый от росы.

Прохор Волгович ждал. Уже. Не в воде — на берегу. Сидел на мелководе, по пояс, огромный, с зелёной бородой, разметавшейся по воде, как водоросли. И курил трубку. Нервно. Быстро. Затяжка за затяжкой.

Таким Василиса его не видела никогда.

— Агафьина, — сказал он, увидев её. — Пришла.

— Пришла, Прохор Волгович. Что случилось?

Водяной долго молчал. Курил. Смотрел на воду. Потом вынул трубку изо рта. Посмотрел на Василису. Мутными зелёными глазами. И в этих глазах было что-то совершенно новое. Растерянность. Смущение. И что-то ещё — Василиса не сразу поняла что.

— Агафьина, — сказал водяной. — Сватать надо.

Василиса моргнула.

— Кого?

— Меня, — сказал Прохор Волгович.

Над затоном было тихо. Только цапля кричала где-то в тумане.

— Вас, — повторила Василиса.

— Меня, — сказал водяной. И отвернулся. Борода у него — Василиса не поверила своим глазам — порозовела. Серо-голубая кожа на щеках, под бородой, пошла розовыми

пятнами. — Влюбился я. Вот.

Василиса медленно села на камень. Прямо на мокрый.

— Прохор Волгович, — сказала она осторожно. — Вам сколько лет?

— Четыре тысячи, — сказал водяной. — Или пять. Я не считал. Я был, когда тут ещё мамонты ходили. Помню одного. Рыжий был. Тонул у Батраков. Я вытащил.

— И вы... первый раз?

— Первый, — сказал водяной. Глухо. — Ни разу. За всю жизнь. Ни русалки. Ни водяницы. Ни берегини. Никого. — Он затянулся. — Я думал — не бывает так у нас. У рек. Мы — текём. Нам не до того.

— А в кого?

Прохор Волгович помолчал. Долго.

Потом сказал. Тихо. Почти шёпотом — насколько может шептать существо, чей голос заставляет дрожать камни.

— В Неё.

Он показал трубкой. Вверх по течению. На север. Туда, где за туманом, за поворотом реки, за Жигулями, — стояла плотина.

— В Жигулёвское море, — сказал Прохор Волгович. — В Хозяйку.

Василиса знала про Жигулёвское море. Все в Поволжье знали.

В пятидесятых годах прошлого века под Жигулями построили гидроэлектростанцию. Огромную. Перегородили

Волгу плотиной. Выше плотины река разлилась. На сотни километров. Затопила деревни, сёла, луга, леса. Целый город — Ставрополь-на-Волге, старинный, купеческий, — ушёл под воду. Жителей переселили. Новый город построили на берегу — называли потом Тольятти. А разлившуюся реку выше плотины называли Куйбышевским водохранилищем.

А люди — Жигулёвским морем.

Потому что оно и было как море. С одного берега другой не видно. Волны. Штормы. Чайки.

— Она молодая, — сказал Прохор Волгович. — Семьдесят лет. Девчонка совсем. — Он помолчал. — Я её раньше не видел. Никогда. Между нами — плотина. Бетон. Железо. Турбины. Я — внизу. Она — сверху. Семьдесят лет рядом — и ни разу.

— А как же вы...

— Весной, — сказал водяной. — В половодье. Воды много было. Они там, на плотине, водосброс открыли. Все затворы. На час. Чтоб лишнюю воду спустить. — Он закрыл глаза. — И вода её — сверху — пошла ко мне. Вниз. Через затворы. Её вода. Я почувал. Я подплыл. К самой плотине. Под водосброс. Где пена.

— И что?

— И увидел, — сказал Прохор Волгович. Шёпотом. — Её. В пене. В водосбросе. Одну минуту. Она выглянула. Посмотреть, куда её вода уходит. — Он открыл глаза. — Агафья. Я четыре тысячи лет на воду смотрю. Я всякую во-

ду видел. Ледниковую. Весеннюю. Грозовую. Морскую — у Астрахани, где Каспий. — Голос у него дрогнул. — А такой — не видел.

— Какой?

Водяной долго подбирал слова.

— Синей, — сказал он наконец. — Синей-синей. Как небо в мае. Глаза — синие. Волосы — синие, как вода на глубине, когда солнце сверху. Лицо — белое. Как пена. — Он помолчал. — Гордая. Посмотрела на меня. Сверху. С плотины. Как на тину. Сказала: «Ты кто такой?» Я сказал: «Прохор. Волгович. Здешний». Она сказала: «Речной». Вот так. «Речной». Как будто — «деревенский». — Он затянулся. — И затворы закрылись. И всё.

Василиса смотрела на него.

Огромный водяной. Четыре тысячи лет. С ракушками в бороде. Розовый от смущения. С трубкой, которая дрожала у него в руке.

— Прохор Волгович, — сказала она мягко. — А почему вы ко мне пришли? Я же ведьма. Я узел держу. Я не сваха.

— А кто ещё? — сказал водяной. — Пелагея? Она с Шаповаловым на маяке. Старая. Сказала — на пенсии. Я её ещё в мае спрашивал. Через Сенгилей. Она сказала — «Прохор, я двести лет сватала, хватит».

— А Евдокия Марковна?

— Евдокии сто пятнадцать, — сказал Прохор. — Она в Москве. В коммуналке. Ей до Жигулей не доехать.

— Римма Гареевна?

— Римма — в Москве. Председатель. Занята.

Он посмотрел на Василису.

— А ты — тут. Ты — Агафьина. Ты меня будила. Песню мне пела. Весь город мне пел. — Он помолчал. — Ты мне письменное приглашение на свадьбу прислала. С печатью. Первое за четыре тысячи лет. — Пауза. — Агафьина. Мне больше некого просить.

Василиса молчала.

Солнце поднялось над Жигулями. Туман над затоном начал рассеиваться. Стало видно Волгу — широкую, медленную, сверкающую.

— Прохор Волгович, — сказала Василиса. — Я не умею сватать. Совсем. Я один раз в жизни видела, как сватают. Это Пелагея Саввишна нас с Егором в ЗАГСе сосватала. Задним числом. В общем, я не умею.

— Научишься, — сказал водяной. — Агафья тоже не умела. Корову на крышу в семь месяцев закидывала. А потом — научилась.

— Это другое.

— То же самое, — сказал Прохор Волгович. — Всё — то же самое. — Он посмотрел на неё. Мутными зелёными глазами. Совсем без надежды. — Агафьина. Я тебе свадьбу отпраздновал. Я тебя из вихря ловил. Я тебе камень Анжелкин на дно унёс. Я Шаповалову Волгу показал. Я тебя четыре года знаю. — Он помолчал. — Я ни разу ничего не просил. Ни

у тебя. Ни у Агафьи. Ни у кого. Четыре тысячи лет.

— Я знаю, — тихо сказала Василиса.

— А сейчас — прошу, — сказал водяной.

Василиса долго смотрела на него.

Потом встала с камня. Отряхнула мокрый халат.

— Хорошо, — сказала она. — Попробую.

Проход Волгович выдохнул. Так, что по затону прошла волна до самых барж.

— Спасибо, — сказал он. Совсем тихо.

И вдруг — неожиданно — улыбнулся. Широко. Во всю бороду. Как мальчишка.

— Её зовут Марина, — сказал он. — Марина Ставровна. Я узнал. У чаек спросил.

Глава 2. Сваха на пенсии

— Нет, — сказала Пелагея Саввишна в трубку.

— Пелагея Саввишна...

— Нет, деточка, — повторила бывшая сваха. Голос у неё был ласковый, но твёрдый. Как у учительницы, которая не даст списать. — Я на пенсии. Двести лет сватала. Хватит. Я тут фонари с Глебом зажигаю. Музей бакенщиков открываю. Экскурсии вожу. Мне хорошо.

— Это Прохор Волгович. Он очень просит.

В трубке помолчали.

— Я знаю, что Прохор, — сказала Пелагея Саввишна. — Он ко мне в мае приплывал. К маяку. Сидел в воде у берега. Всю ночь. Рассказывал. Про синие глаза. Про пену. Про «речной». — Она вздохнула. — Глеб полночи фонарь держал над водой, чтоб ему светлее было.

— И вы отказали?

— Отказала, — сказала Пелагея. — Не потому, что не хочу. Потому что не могу. — Пауза. — Деточка, я — сваха человечья. Я людей сватала. Купцов, мещан, дворян. Ну, ведьм. Ну, один раз — тебя с Егором. А тут — водяной. С водохранилищем. Через плотину. — Она помолчала. — Я не знаю, как это делается. Никто не знает. Такого не было никогда.

— Пелагея Саввишна. Ну хоть посмотрите. Хоть нитки.

Пелагея долго молчала.

— Посмотреть могу, — сказала она наконец. — Посмотреть — не сватать. Приеду в субботу. С Глебом. На автобусе. С пересадкой в Ульяновске.

Она приехала в субботу. Как обещала.

Пелагея Саввишна Шаповалова за три года на маяке загорела, окрепла и как будто стала моложе. Волосы — тёмные с проседью — заплетены в косу. Платье — светлое, льняное, в мелкий голубой цветочек. Никакого чёрного. Никакой камен. На руке — простое серебряное кольцо. Глеб Борисович — рядом, с бакенным фонарём, как всегда.

Они пошли на затон втроём. Пелагея, Глеб и Василиса. Модест увязался следом — «я при всех сватовствах в этом роду был, я и при этом буду». Ещё увязался Еремей Касьянович — он приехал в пятницу, на свой обычный четверг, но задержался, «потому что, голубушка, такое раз в четыре тысячи лет бывает, нельзя пропустить».

Прохор Волгович ждал на мелководье у бабушкиного камня. В бороде — новые ракушки, отполированные до блеска. Блесна — тоже отполирована. Водоросли — расчёсаны. Он, кажется, готовился.

Пелагея Саввишна встала на камень. Посмотрела на водяного. Долго. Сверху вниз. Как смотрит сваха.

— Прохор, — сказала она. — Покажи нитку.

— Какую?

— Сам знаешь, — сказала Пелагея. — К ней.

Прохор Волгович покраснел — по бороде пошли розовые пятна — и закрыл глаза.

Василиса повернула ручку настройки.

И увидела.

От водяного — от огромной серо-голубой груди, из-под бороды — тянулась нитка. Вверх по течению. На север. Через затон, через Волгу, через Сызрань, через Октябрьск, через Жигули. Далеко. Очень далеко. Туда, где плотина.

Нитка была — странная. Василиса таких не видела никогда. Не золотая, не серебряная. Зелёно-голубая. Как вода на мелководье в солнечный день. Широкая — как река. И живая — по ней шли волны. Медленные, тяжёлые, как приливы.

И она упиралась — в плотину.

В серую, тяжёлую, бетонную стену. Прямо в неё. И — не проходила. Растекалась по бетону. Билась о него. Как волна о мол.

— Ох, — сказала Пелагея Саввишна. Тихо. — Ох, Прохор.

— Что? — спросил водяной, не открывая глаз.

— Сильная, — сказала Пелагея. — Сильная нитка. Я такой не видела. Даже у Степана... — Она осеклась. Помолчала. — Сильная. Четыре тысячи лет копиалась. А теперь — вот.

— А у неё? — спросил водяной. Открыл глаза. — У неё ко мне — есть?

Пелагея Саввишна прищурилась. Посмотрела туда, на север. За Жигули. За плотину. Долго. Глеб Борисович держал над ней бакенный фонарь — хотя было утро, светло, солнце.

— Не вижу, — сказала Пелагея наконец. — Плотина мешает. Бетон. Железо. Сквозь бетон нитки плохо видно. — Она помолчала. — Что-то там есть. На той стороне. Но что — не разберу.

Прохор Волгович опустил голову. Борода легла на воду.

— Значит — нету, — сказал он глухо.

— Я сказала — не вижу, — строго поправила Пелагея. — Не вижу — не значит нету. — Она помолчала. — Чтоб увидеть — надо туда. На ту сторону. К ней.

Она слезла с камня. Посмотрела на Василису.

— Деточка, — сказала она. — Ты знаешь, как сватают?

— Нет, — сказала Василиса.

— Тогда слушай, — сказала Пелагея Саввишна. И села на камень рядом с ней. — Расскажу. Я двести лет этим занималась. Я знаю. — Она загибала пальцы. — Первое. Сваха идёт в дом к невесте. С гостинцами. С подарками. От жениха. Говорит: «У вас — товар, у нас — купец». Это — разведка. Посмотреть, что там. Кто там. Чем дышат. Что любят. Чего хотят.

— Это я могу, — сказала Василиса.

— Второе, — продолжала Пелагея. — Если невеста не против — смотрины. Жених приходит к невесте. Смотрят друг на друга. При всех. При родне. При свахе. — Она по-

молчала. — Если понравились — рукобיתье. Договор. Сговор. Дата свадьбы.

— А если не понравились?

— Тогда — всё, — сказала Пелагея. — Тогда — до свидания.

Прохор Волгович в воде тяжело вздохнул.

— Третье, — сказала Пелагея. — Самое главное. — Она посмотрела на Василису. — Невеста может испытание дать. Жениху. Задание. Чтобы проверить. Хорош ли. Любит ли. Достоин ли. — Она помолчала. — Морская — даст. Обязательно. Они, морские, гордые.

— Откуда вы знаете? Вы же сказали — водяных не сватали.

— Водяных — не сватала, — согласилась Пелагея Саввишна. — А гордых невест — сватала. Сотни. — Она улыбнулась. — Деточка, гордая невеста — она везде гордая. Хоть купеческая дочь, хоть водохранилище. Разницы нет.

Еремей Касьянович, стоявший у воды, тихо засмеялся.

— А вы? — спросила Василиса Пелагею. — Вы с нами поедете? Туда? К ней?

Пелагея Саввишна долго смотрела на воду. На Прохора. На его зелёно-голубую нитку, упирающуюся в плотину за сто километров.

— Я на пенсии, — сказала она наконец.

— Я знаю.

— Я двести лет сватала.

— Знаю.

— Я обещала Глебу — больше никогда.

Глеб Борисович, стоявший рядом с фонарём, кашлянул.

— Поля, — сказал он мягко. — Я не помню, чтобы ты мне такое обещала.

Пелагея Саввишна посмотрела на мужа. Долго.

— Не обещала, — признала она. — Сама себе обещала.

— Ну, — сказал Глеб Борисович, — сама себе — можно и нарушить. Один раз. — Он помолчал. — Для Прохора.

Пелагея смотрела на него. Потом — на Прохора. Потом — на Василису.

Вздохнула.

— Консультантом, — сказала она. — Только консультантом. Сватать будешь ты, деточка. Я — рядом. Подсказывать.

Прохор Волгович поднял голову из воды. Мокрая борода. Розовые пятна. Мутные зелёные глаза — полные надежды.

— Правда? — сказал он.

— Правда, — сказала Пелагея Саввишна. — Но учти, Прохор. Речной с морской. Да ещё через плотину. — Она покачала головой. — Это, Прохор, хуже, чем купец с ведьмой. Это хуже, чем участковый с ведьмой. Это — ничего хуже я не видела.

— Я знаю, — сказал водяной.

— И ещё учти, — сказала Пелагея. — Я тебе её не обещаю. Я тебе — дорогу покажу. А пройдёшь ли — это ты. Свахи только дорогу показывают.

— Знаю, — сказал Прохор Волгович. — Это ты на свадьбе Евграфовой говорила. Я слышал. Из Сызранки.

Пелагея Саввишна замерла.

Потом засмеялась. Тихо. Как девчонка.

— Помнишь, — сказала она.

— Я всё помню, — сказал водяной. — Я ж река.

Глава 3. Затонувший город

Про Марину Ставровну рассказала Римма Гареевна.

Не сразу. Василиса позвонила ей в Москву в понедельник.

Председатель Центрального собрания ведающих выслушала молча. Потом сказала:

— Круглова. Я приеду. В Тольятти. В пятницу. Встречай-те на набережной.

И положила трубку.

Это было на неё не похоже. Римма Гареевна никогда не приезжала по первому звонку. Римма Гареевна никогда не говорила «я приеду». Римма Гареевна говорила «доложите» и «жду отчёт».

— Странно, — сказала Василиса Модесту.

— Ничего не странно, — сказал Модест с печки. — Она из Тольятти. Ты забыла? Она ж там родилась. Ну, почти там.

— Почти?

— Почти, — сказал кот. И не объяснил.

Тольятти встретил их ветром.

Жигулёвское море лежало перед ними — огромное, серое, беспокойное. Волны. Барашки. Чайки над водой. Другого берега не видно — только дымка на горизонте. На набережной — бетонный парапет, лавочки, фонари, люди с колясками и собаками. Ветер с моря трепал волосы, срывал шапки, гнал по асфальту пустые пакеты.

Римма Гареевна стояла у парапета. В тёмно-синем костюме, в плаще, с вороном Карлом на плече. Смотрела на воду.

— Круглова, — сказала она, не оборачиваясь, когда Василиса подошла.

— Римма Гареевна.

Председатель долго молчала. Смотрела на море.

— Я тут родилась, — сказала она наконец. — Не тут. Там. — Она показала на воду. На серые волны в километре от берега. — Там. Под водой. На дне.

Василиса молчала.

— Ставрополь-на-Волге, — сказала Римма Гареевна. — Город. Старый. Шестнадцатый век. Купеческий. Церкви. Пристань. Сады. Деревянные дома с наличниками. — Она помолчала. — Я родилась в пятьдесят первом. На улице Голицына. В доме с голубыми ставнями. Мама рассказывала — у нас во дворе была яблоня. Антоновка. Огромная. Дед сажал.

Ворон Карл на её плече молчал. Нахохлился.

— В пятьдесят пятом нас переселили, — сказала Римма Гареевна. — Мне было четыре. Я почти не помню. Помню только — как дома разбирали. По брёвнышку. Грузили на машины. Везли сюда. На берег. На новое место. — Она помолчала. — Церкви не разбирали. Церкви взрывали. Я помню звук. И пыль. — Пауза. — А яблоню — не увезли. Она осталась. Там. Во дворе. Под водой.

Ветер с моря бил в лицо. Чайки кричали.

— А потом вода пришла, — сказала Римма Гареевна. — В пятьдесят седьмом. Медленно. За год. Я смотрела. С берега. Мне было шесть. Мама держала меня за руку. Вода поднималась — и поднималась. Сначала — луга. Потом — огороды. Потом — пустые дома, которые не успели разобрать. Потом — колокольня. Последняя. Её почему-то не взорвали. Вода дошла ей до креста. И скрыла.

Она замолчала.

Василиса стояла рядом. Не знала, что сказать.

— Люди плакали, — сказала Римма Гареевна. — Стояли на берегу и плакали. Старухи крестились. Мужики молчали. А потом — разошлись. И больше не приходили. Никогда. — Она помолчала. — Новый город построили. Назвали — Тольятти. Завод построили. Машины стали делать. Жигули. Город вырос. Огромный. Семьсот тысяч человек. — Пауза. — А про Ставрополь — забыли. Как не было.

— А Марина Ставровна? — тихо спросила Василиса.

Римма Гареевна повернулась к ней. Впервые за весь разговор.

— Марина, — сказала она. — Она родилась тогда. В пятьдесят седьмом. Когда вода пришла. — Председатель помолчала. — Понимаешь, Круглова? Она не река. Она не была всегда. Как Прохор. Она — новая. Рукотворная. Её не было — и вдруг появилась. Из воды, которая затопила город. Из воды, в которой — колокольня, яблоня, улица Голицына, дом с голубыми ставнями. — Римма Гареевна смотрела на

море. — Она из этого сделана. Из затопленного. Из того, что забыли.

Ворон Карл на её плече тихо каркнул.

— Я её видела, — сказала Римма Гареевна. — Один раз. В шестьдесят седьмом. Мне было шестнадцать. Я только начинала. Ведьмой. Пришла на берег ночью. Попробовать — увижу ли. — Она помолчала. — Увидела. Она сидела на воде. Далеко. Над тем местом, где колокольня. Маленькая была ещё. Как девочка. Десять лет. В синем. Сидела и плакала. — Плакала?

— Плакала, — сказала Римма Гареевна. — Я её позвала. Она подплыла. Посмотрела на меня. Сказала: «Ты оттуда?» Я сказала: «Оттуда. С Голицына». Она сказала: «Я там живу. Внизу. В доме с голубыми ставнями. Там яблоня. Она ещё стоит. Под водой. Не гниёт». — Голос Риммы Гареевны дрогнул. Первый раз на памяти Василисы. — Она в моём доме живёт, Круглова. Под водой. Под моей яблоней.

Ветер утих. Внезапно. Море легло — гладкое, серое, как стекло.

— Мы потом с ней виделись, — сказала Римма Гареевна. — Иногда. Раз в год. Раз в два. Я приходила. Она подплывала. Разговаривали. — Пауза. — Она одинокая, Круглова. Очень одинокая. Её никто не любит. Люди её называют — «водохранилище». «Вдхр.», на картах. Как будто она — склад. Ёмкость. — Председатель помолчала. — Рыбаки ругают — рыба плохая. Экологи ругают — вода цветёт. То-

лгатьтинцы ругают — купаться нельзя. Старые ставропольцы — те, кто жив ещё, — её ненавидят. Она их город съела.

— А нечисть?

— Нечисть её тоже не любит, — сказала Римма Гареевна. — Водяные — речные, старые, — смотрят на неё сверху вниз. «Рукотворная». «Лужа». «Ни рода, ни племени». Русалки к ней не плывут — у неё вода холодная, глубокая, мёртвая на дне. — Она помолчала. — Семьдесят лет. Одна. Над затопленным городом.

Василиса стояла у парапета. Смотрела на море.

— А Прохор называл её «синей», — сказала она тихо. — Как небо в мае. Сказал — такой воды он за четыре тысячи лет не видел.

Римма Гареевна медленно повернула голову. Посмотрела на неё.

— Прохор так сказал?

— Так.

Председатель долго молчала. Потом — Василиса не поверила — сняла очки. Протёрла платком. Надела.

— Она ему сказала «речной», — сказала Римма Гареевна. — Да? Как будто — «деревенский»?

— Да.

— Это она не со зла, — сказала Римма Гареевна. — Это она — от страха. — Пауза. — Она думает, все её презирают. Все. Особенно старые. Особенно речные. Особенно — такие, как Прохор. Четыре тысячи лет. Она ему — кто? Лу-

жа. Семьдесят лет. Рукотворная. — Председатель посмотрела на море. — Она ему первой сказала «речной». Чтобы он не успел сказать ей «лужа».

Над морем пролетела чайка. Низко. Почти касаясь воды.

— Римма Гареевна, — сказала Василиса. — Помогите.

— Чем?

— Не знаю. — Василиса покачала головой. — Вы её знаете. Вы с ней разговаривали. Вы — оттуда. С Голицына. — Она помолчала. — Сведите нас. Меня — с ней. Как сваху. Хоть поговорить.

Римма Гареевна смотрела на неё. Долго.

Потом повернулась к морю. Сняла с плеча ворона Карла. Подержала на руке. Что-то сказала ему — тихо, на татарском, Василиса не поняла.

Карл каркнул. Взлетел. Полетел над морем. Низко. Далеко. Туда, где в километре от берега, под серой водой, стояла затопленная колокольня.

— Подождём, — сказала Римма Гареевна. — Если захочет — придёт. Если нет — нет.

Они ждали.

Час. Два.

Солнце садилось за Жигули. Море стало розовым, потом медным, потом тёмно-синим. На набережной зажглись фонари. Люди разошлись.

Ворон Карл вернулся в темноте. Сел Римме Гареевне на плечо. Каркнул. Один раз.

— Идёт, — сказала Римма Гареевна.

Море у парапета — тихое, тёмное, гладкое — вдруг по-светлело. Изнутри. Синим. Как будто кто-то зажёл под водой огромную синюю лампу.

И из воды поднялась она.

Медленно. Как поднимается туман над водой на рассвете.

Сначала — волосы. Длинные, тёмно-синие, как вода на глубине, когда сверху светит солнце. Потом — лицо. Белое. Как пена. Тонкое, острое, гордое. Глаза — синие. Такие синие, что Василиса на секунду забыла, как дышать. Как небо в мае. Прохор не соврал.

Она поднялась над водой по пояс. Высокая — выше человека. Не такая огромная, как Прохор, — но выше. В чём-то синем, струящемся, как вода. На голове — Василиса при-смотрелась — венки. Из водорослей. И из чего-то ещё. Маленьких, белых, круглых.

Яблоневый цвет.

Под водой. В июне. На глубине.

— Риммочка, — сказала Марина Ставровна. Голос был — как волна, которая набегает на песок. Шелестящий. Холодный. Красивый. — Риммочка. Пять лет не приходила.

— Председателем стала, Марина, — сказала Римма Гареевна. — В Москве. Некогда.

— В Москве, — повторила Хозяйка моря. Холодно. — Все в Москву уезжают. — Она перевела взгляд на Василису. Синие глаза сузились. — А это кто?

— Круглова, — сказала Римма Гареевна. — Шмелёва-Круглова. Хранительница Сызранского узла.

— Сызранского, — повторила Марина Ставровна. Медленно. — Это — внизу. За плотиной. На речной стороне. — Синие глаза стали ещё холоднее. — От речного?

Василиса сглотнула.

— От Прохора Волговича, — сказала она. — Да.

Марина Ставровна долго смотрела на неё. Сверху вниз. Как на тину.

Потом засмеялась. Холодно. Звонко. Как лёд, который трескается.

— Речной, — сказала она. — Речной прислал. Сваху. — Она смеялась. — Четыре тысячи лет. Старый. Тиной зарос. В бороде — ракушки. И — сваху. Ко мне. — Она перестала смеяться. Резко. — Зачем? Посмеяться? Над лужей? Над рукотворной? Над той, у которой ни рода, ни племени?

— Нет, — сказала Василиса. — Не посмеяться.

— А зачем?

Василиса смотрела на неё. На синие глаза. На белое гордое лицо. На венок из водорослей и яблоневого цвета.

На нитку. Она повернула ручку настройки — и увидела её нитку. Синюю. Тонкую. Натянутую до звона. Одинокую. Уходящую вниз, под воду, на дно, — в затопленный город. К колокольне. К дому с голубыми ставнями. К яблоне.

И больше — никуда.

— Затем, — сказала Василиса, — что он вас увидел. В

водосбросе. В пене. Одну минуту. — Она помолчала. — И сказал, что за четыре тысячи лет такой воды не видел. Синей. Как небо в мае.

Марина Ставровна замерла.

Море вокруг неё — тёмное, гладкое — вдруг пошло рябью. Мелкой. Быстрой. Как от ветра. Хотя ветра не было.

— Он так сказал? — спросила она. Очень тихо.

— Так, — сказала Василиса.

Хозяйка моря долго молчала. Смотрела на Василису. Потом — на Римму Гареевну. Потом — куда-то вниз, на юг, туда, где за Жигулями, за поворотом, за плотиной текла Волга.

— Врёт, — сказала она наконец. — Речные всегда врут. Красиво говорят — и врут.

И ушла под воду.

Синий свет погас. Море стало тёмным. Гладким. Пустым.

Только на парапете, у ног Василисы, — она не сразу заметила — лежал маленький белый цветок. Мокрый. Яблоневый.

Василиса подняла его. Он пах — не морем. Не водорослями. Не тиной.

Яблоками. Антоновкой.

Римма Гареевна посмотрела на цветок у неё в руке. Долго. — Это с моей яблони, — сказала она тихо. — С Голицына.

И отвернулась к морю.

Глава 4. Письма

— Врёт, — повторил Прохор Волгович. Глухо. — Она сказала — «врёт».

— Сказала, — подтвердила Василиса.

— Я не врал.

— Я знаю.

— Я никогда не вру, — сказал водяной. — Я — река. Реки не врут. Течём — куда течём.

Был вечер воскресенья. Затон. Бабушкин камень. Прохор Волгович сидел на мелководе, по пояс в воде, и курил трубку. Мрачно. Медленно. Борода висела мокрой тряпкой. Ракушки в ней — те, отполированные к сватовству, — потускнели.

Василиса сидела на камне. Рядом — Пелагея Саввишна. Чуть дальше, у воды, — Еремей Касьянович, на перевёрнутой лодке, с тростью. Модест — у Василисиных ног.

На коленях у Василисы лежал яблоневого цвета. Тот самый. С Голицына. Он не вял. Три дня — а он не вял. Пах антоновкой.

— Прохор Волгович, — сказала Пелагея Саввишна. — Не горюй. Это хорошо.

— Чего хорошего?

— Она цветок оставила, — сказала Пелагея. — Не ушла просто. Оставила. — Бывшая сваха помолчала. — Деточка,

если невеста говорит «врёт» и уходит — это одно. А если говорит «врёт», уходит, а цветок оставляет — это совсем другое.

— Что?

— Это значит, — сказала Пелагея Саввишна, — «докажи».

Прохор Волгович поднял голову.

— Как доказать?

— А вот это, — сказала Пелагея, — уже не моё дело. Я консультант.

Водяной посмотрел на Василису. Мутными зелёными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.